

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ УЧЕНОГО

© 1993 г. ЭО, № 2

П. Клоос

ОПУБЛИКОВАТЬ И ПОГИБНУТЬ (Национализм и социальные исследования в Шри Ланке)

Введение

Английский философ и государственный деятель Френсис Бэкон уже в XVI в. осознал практическую ценность научных исследований, ибо, как он утверждал, знание само по себе является силой: *nam et ipsa scientia potestas est*¹. В своем труде «Новый органон», опубликованном в 1620 г., Бэкон подчеркивал способность знания улучшать жизнь человека путем подчинения природы. Он не предвидел ни пагубных последствий, к которым привело в конце концов такое отношение к природе², ни того, что знание может обернуться и обернется в конечном счете против мужчин и женщин³. Сейчас мы об этом уже знаем, хотя антропологи в течение многих лет ухитрялись игнорировать негативные последствия своей работы.

Вопрос об ответственности ученых как производителей знания, которое может быть использовано для тех или иных, в том числе и вредных для человека, целей, в разные периоды ставился по-разному. Конец 40-х и 50-е годы XX в. стали свидетелями дискуссий об этике ученого среди физиков, ответственных за производство знаний, позволивших создать ядерное оружие. В конце 1960-х — начале 1970-х годов внезапно возросло внимание к ответственности ученых, работающих в области общественных наук. В значительной степени это стало результатом использования — или возможности использования — знания, называемого антропологическим, в войнах в Юго-Восточной Азии, прежде всего во Вьетнаме. Однако с конца 1970-х годов внимание к этой проблеме снова ослабло. Тем не менее и сегодня существует много районов, где знание, воспринимаемое как более или менее точное отражение реальности, используется в политических целях и где, таким образом, даже видимость нейтральной позиции со стороны ученого невозможна. Одним из таких районов является Шри Ланка. Гражданская война на Шри Ланке — это в значительной степени война между группами, имеющими, как считается, различную этническую принадлежность. Однако взгляды исследователей-профессионалов часто расходятся с тем, что люди сами думают о себе. В мирное время мнения, не соответствующие общепринятым, могут лишь раздражать. Однако во время смертельного конфликта люди склонны рассматривать инакомыслящих как предателей. Какое же влияние оказывает сегодняшняя политическая ситуация на ученых, работающих в области общественных наук? Каково положение ланкийских исследователей? И какова должна быть позиция зарубежного ученого — такого, как я?

Эти вопросы не столь безобидны, как может показаться на первый взгляд. Позвольте мне пояснить. С 1989 г. небольшая, но постоянно растущая группа аспирантов Департамента культурной антропологии/социологии развития Врийского университета в Амстердаме занимается изучением проблем насилия,

этнической идентичности и развития национального государства на Шри Ланке. Если пользоваться политической терминологией, исследователи, работающие по этой программе, имеют дело с так называемыми горячими темами. Поэтому здесь необходимо ставить вопрос о риске и ответственности исследователя. Я хочу привести два примера событий, вызывающих обсуждение этих вопросов.

Недавно ланкийский офицер полиции, или, быть может, это был армейский офицер, провел несколько недель в Нидерландах. Во время небольшой неформальной вечеринки он неожиданно разговорился о том, как были убиты около 100 человек, подозреваемых в членстве в Джанатха Вимуктхи Перамуна (ДжВП). Он сам принимал участие в этой акции и был готов рассказать подробнее о том, как и почему это было сделано. Он позволил записать свой рассказ на пленку. Но могли ли мы сделать это, учитывая, что впоследствии он мог бы пожалеть об этом? Как бы там ни было, его готовность убивать получила достаточные доказательства.

В этом случае потенциальная опасность была очевидна. У нее даже было имя. Следующий случай демонстрирует опасения более общего характера, которые стали появляться в конце 1980-х.

Однажды один из аспирантов уезжал из Нидерландов на некоторое время на Шри Ланку для полевой работы. Прощаясь, он вдруг взял меня за руку и сказал: «Питер, если со мной что-нибудь случится, ты напишешь об этом интересную книжку?». Я сказал «да», но от настойчивости этой просьбы у меня пробежали по спине мурашки, потому что я понимал, что в этом случае он будет не первым, с кем «что-то случилось». Я также понимал, что отвечаю за судьбу тех аспирантов, которых я пригласил для работы в программе.

Политическая ситуация на Шри Ланке

После получения независимости Шри Ланка вошла в политическую жизнь как многообещающее демократическое государство третьего мира. Это происходило в конце 1940-х — начале 1950-х годов. По сравнению со многими другими государствами третьего мира у Шри Ланки было то преимущество, что здесь уже с 1931 г. существовало всеобщее избирательное право и проводились регулярные выборы. Однако начиная с 1956 г. на Шри Ланке начало все большую роль играть насилие, выражающееся в восстаниях, перемежающихся периодами постепенного нарастания напряженности, что привело в результате в 1983 г. к непрерывной гражданской войне⁴. Насилие на Шри Ланке сегодня выражается в различных конфликтах, главным из которых является конфликт между преобладающими по численности сингалами и тамильским меньшинством. Настоящая война идет в основном на севере и на востоке страны. Помимо открытого применения оружия все общество втянуто в более скрытое противостояние. Как среди сингалов, так и среди тамиллов распространена так называемая «культура насилия»⁵.

Понятие «культура насилия» я использую по отношению к ситуации, когда насилие воспринимается в обществе как обычное явление, допустимое и общепринятое и, быть может, даже культурно воспроизводимое.

Возникновение культуры насилия у сингальского большинства относится не только к сингальско-тамильскому конфликту, но также к радикальной организации ДжВП, в особенности в 1987—1989 гг. Это было время, когда радикальная ДжВП с помощью угроз и агрессивных действий контролировала значительную часть общественной жизни и когда появилось ощущение, что насилие и террор стали неотъемлемой частью повседневной жизни и что никому больше нельзя доверять. Соперничество между тамильскими группами, в особенности в Джаффне, явилось источником широкомасштабного и систематического применения насилия среди тамиллов.

Правительство во многих случаях провоцировало насилие своей авторитар-

ной и репрессивной политикой или даже выступало инициатором насильственных действий вместо того, чтобы найти другие средства решения экономических и социально-политических проблем. Помимо этого правительству Шри Ланки приходится прибегать к насилию, сталкиваясь с сомнениями в своей законности.

По очевидным причинам невозможно описать эти конфликты и выявить их происхождение, не прибегая к умозрительным конструкциям, которые, как предполагается, представляют реальность и в то же время относительно нейтральны. Тем не менее краткий обзор необходим.

Согласно древним хроникам, в V в. до н. э. переселенцы из Северной Индии появились на Шри Ланке и встретились там с более древним населением. III в. до н. э. явился свидетелем создания царства в Сухой зоне на севере Шри Ланки, столица которого называлась Анурадхапура. Политический лидер этого царства, Тисса, следуя индийской модели царствования, стал называться Деванампийатисса Махараджа⁶. В период его правления Махинда, родственник, а быть может, и сын индийского императора Ашоки, принес, по преданию, буддизм на Шри Ланку.

Позднее из Индии на Шри Ланку переселялись и другие группы. Политическое давление со стороны Южной Индии возрастало в течение I тысячелетия н. э. В начале II тысячелетия это заставило правителей Анурадхапурского царства переместить из северной Сухой зоны средоточия религиозной и политической жизни, которые в конце концов оказались в центральной и юго-западной Влажной зоне. Юго-восточная Сухая зона, Рухуна, была заселена с самого начала⁷.

Между XIII и началом XVI в. на Шри Ланке было несколько царств (только раз или два за всю доколониальную историю весь остров был политически объединен). Одно царство было на п-ове Джаффна, и в течение большей части периода, не менее двух царств, располагалось в центральной части и на юге острова. Когда в начале XVI в. появились португальцы, они быстро захватили царство Джаффна на севере, а также царство на юго-западе (Котте, около нынешнего Коломбо). Ни португальцам, ни пришедшим после них голландцам не удалось завоевать царство Кандьян, надежно скрытое в недоступных центральных горах. Англичане, оккупировавшие вслед за голландцами приморские провинции, безуспешно пытались вторгнуться во внутренние районы. Лишь вследствие внутрисударственной борьбы за власть и измены им досталось в 1815 г. и последнее ланкийское царство. Так они объединили остров под одной короной — британской.

В этом кратком обзоре политической истории острова я сознательно воздерживался от использования терминов «тамилы» и «сингалы». Эти термины в применении к доколониальному периоду могут, весьма вероятно, оказаться обманчивыми, так как предполагают неизменным то, что в прошлом вполне могло выглядеть иначе. Их использование как раз и служит яблоком раздора.

Начиная с XIX в. термины «сингалы» и «тамилы» действительно приобретают определенное значение, так как именно в это время националистические чувства в их нынешней форме начали становиться частью повседневной политики. Позже, в 1950-х годах, правительство большинства, возглавляемое С. Бандаранайке, придерживалось идеи сингало-буддистского государства, превращая, таким образом, тамилы в граждан второго сорта.

Сегодня принадлежность к тамилам или сингалам выражается очень сильно. Конструируя идентификацию, обе группы придают огромное значение представлениям о своем прошлом, таким образом, используя как исторические аргументы, так и аргументы историков. В настоящей статье я уделяю внимание отношениям между сингалами и тамилами, которые со временем становились все более и более напряженными, пока не взорвались, вылившись во внутрисударственную войну исключительной жестокости (Я сознаю, что история сингальского и тамильского национализма более сложна, но объем статьи вынуждает меня ограничить свою аргументацию).

В настоящий момент существеннейшим вопросом этой войны является желание радикальных тамиллов выделить «свои исконные» северные и восточные земли в отдельное государство — Илам (Илам — это тамильское название Шри Ланки), требование, которое ланкийское правительство (в основном сингальское) отказывается удовлетворить. Оружие играет в этой войне очевидную роль, однако то же относится и к знанию. В этой статье я остановлюсь на роли знания в сингальско-тамильских отношениях и в особенности на затруднительном положении, в котором оказались главные «производители знания» — ученые. Поскольку полем сражения являются социокультурные отношения между сингальской и тамильской общинами, я ограничусь археологией, историей и некоторыми другими общественными науками. Здесь сила пуль заменяется силой претензий каждой стороны на то, что она представляет правильную трактовку реальности, однако выстрелы все время звучат на заднем плане. Культура насилия и страха стала также частью научных дискуссий. Битвы за правильную трактовку реальности отличаются от настоящих сражений на севере и востоке страны еще и тем, что они происходят преимущественно внутри этнических общин и в гораздо меньшей степени между ними.

Националистический дискурс и этническая принадлежность

Чтобы понять позицию ученых, необходимо привести несколько замечаний о национализме вообще и о национализме на Шри Ланке в частности. Национализм может рассматриваться как дискурс в том значении, в котором этот термин использовал Фуко: общий набор (изменяющихся) идей и непрекращающиеся споры, охватывающие различные сферы общественной жизни. Националистический дискурс, как бы он ни был разнороден, собирает вместе деятелей изобразительных искусств, журналистов, композиторов, писателей, поэтов, практиков самых разных профессий — таких, как школьные учителя и адвокаты, и (последних в этом ряду, но не по значению) ученых, в особенности гуманитариев. Националистический дискурс выражает ощущение людей, что их объединяет нечто, отличающее их от других людей.

Политический аспект национализма часто привлекает наибольшее внимание. Но даже несмотря на то, что стремление взять в свои руки власть и другие ресурсы представляется центральным элементом национализма, сам по себе националистический дискурс касается идентификации в более широком смысле. Национализм часто даже начинается не в сфере политики; именно так и произошло на Шри Ланке, где корни современного национализма часто следует искать в идеях о сингало-буддистской идентификации в конце XIX в. Даже в последние годы перед достижением независимости национализм едва ли представлял политическую силу — ланкийцам не пришлось сражаться за свою независимость, они ее получили. Только в 1950-х годах после призывов С. Бандаранайке к созданию сингало-буддистского государства националистический дискурс начал доминировать и на политической арене.

Национализм сегодня в значительной степени определяется представлениями сингальского большинства (около 74% всего населения) и тамильского меньшинства (12,6% так называемых ланкийских тамиллов и 5,6% индийских тамиллов, завезенных на Шри Ланку британцами для работы на плантациях) о своих взаимоотношениях. В момент написания этой статьи (июнь 1992 г.) ланкийская армия, в которой доминируют сингалы, провела серию военных операций против Ланкийских тигров Тамил Илама (ЛТТИ), которые монополизировали борьбу среди тамиллов, уничтожив своих более умеренных соперников.

С точки зрения сингальского национализма, этот конфликт представляется очередным взрывом в отношениях, истоки которых находятся почти в самом

начале сингальской истории на Шри Ланке — это времена прибытия североиндийского принца Виджай в V в. до н.э. Согласно этому взгляду, южноиндийские тамилы представляли собой угрозу начиная по меньшей мере с III в. до н.э.: они беспрестанно вторгались на Шри Ланку, в конце концов заставив сингалов переместить свой политический центр с севера, из Анурадхапуры, на юг. Под угрозой якобы были не только сингалы, но также буддизм. Таким образом, героический поход принца Дуттхагамани против тамильского царя Эллары, который, захватив Анурадхапуру, правил там в течение 30 лет, был не только борьбой против тамиллов, но и попыткой защитить буддизм.

Позиция сингальского национализма характеризуется небольшим набором основных постулатов, причем все они являются трактовками прошлого: 1) Шри Ланка — это остров, избранный Буддой в качестве «дхамма дипа», острова учения Будды; 2) сингалы — народ, избранный для защиты «дхаммы»; 3) общность сингалов существовала непрерывно со времен прибытия Виджай; 4) сингальские буддисты являются, таким образом, законными обитателями всего острова, которым раньше правил царь, а сейчас — избираемое правительство.

Эти взгляды в значительной мере опираются на древние хроники, в особенности на Великую Хронику, или Махавамсу. Махавамса была написана в VI в. буддийским монахом. Она представляет собой изложение истории сингальского народа, родословной Виджайи (внука принцессы и льва), его высадки на берег Шри Ланки в день, когда Будда достиг Ниббаны*, восхождения на престол Тиссы Анурадхапурского и принесения на Шри Ланку буддизма Махиндой, вторжений южноиндийских правителей и кампании Дуттхагамани и т. д.

Сингальская идентификация выражается в понятиях единства происхождения, расы, религии, языка и территории. Этими же понятиями определяется и другая общность, а именно тамильская. Согласно представлениям сингалов, тамилы пришли из Южной Индии. Сингалы — потомки населения Северной Индии. Тамилы — не арийцы, сингалы принадлежат к арийцам. Тамилы — индуисты, сингалы — буддисты. Тамилы говорят на дравидийском языке, сингалы — на индоевропейском. Тамилы вторглись на сингальскую родину (*mau vīma*).

Основания сингальской идентификации, а также их следствия можно оспорить, и они оспариваются. Прежде всего, конечно, тамилами. Не существует тамильских хроник, сравнимых с сингальскими. Самое раннее свидетельство пребывания тамиллов на Шри Ланке, «Ялпана Вайпава Малай», была написана жителем Джаффны по просьбе голландского губернатора и пересказывает воспоминания, восходящие к завоеванию государства Джаффна португальцами⁸. Это-то государство Джаффна и является одним из ключевых моментов при определении тамильской общности, так как оно предоставляет тамилам свидетельство наличия на Шри Ланке их собственных исконных территорий. Сущность государства Джаффна стала объектом дискуссий, подчас весьма жарких. Для некоторых (в основном сингалов) оно находилось в зависимости от царя Южной Индии. Для других — это неотъемлемая часть южноиндийской, тамильской политической истории, которая охватывала весь остров⁹. Вопрос о тамильских «исконных территориях» усложнился после 1976 г., когда одна из тамильских политических партий, Тамильский объединенный фронт освобождения (ТОФО), попросила у своих сторонников мандат на создание отдельного тамильского государства на Шри Ланке. Это тамильское государство должно было совпадать с тем, что рассматривалось как исконные тамильские территории: полуостров Джаффна, западное побережье Негомбо и восточное побережье до Поттувиля. А это около трети острова!

* Пали; санскр. Нирвана.

История, однако, не ограничивается письменными источниками. Археология также вносит свой вклад в представления о прошлом. Основанные на данных археологии Южной Индии и Шри Ланки тамильские представления сильно отличаются от Великой Хроники или от того, что сингалы извлекают из нее (обычно в высшей степени избирательно!). Согласно тамильскому взгляду, Шри Ланка была населена задолго до того, как, по преданию, прибыл Виджая. Часть этого раннего населения были предками веддов, близкородственных сходным группам Южной Индии, например тода. Позже из Индии переселились другие группы. Они принесли на Шри Ланку ирригацию, мегалитическую культуру и т. д. Социально, культурно и лингвистически Шри Ланка не отличалась от Южной Индии. Однако в VI в. буддизм в Южной Индии исчез в отличие от Шри Ланки, где он пользовался поддержкой государства. Правитель Шри Ланки встал на защиту буддизма. Поскольку буддистские тексты были написаны на североиндийском языке пали, пали распространился среди сингалов. Чтобы увеличить различия между сингалами и тамилами, автор Махавамсы подчеркивал североиндийское происхождение сингальского языка, выдумав мифического переселенца Виджаю, чье прибытие не подтверждается никакими другими данными. Это резко контрастирует с обилием свидетельств южноиндийского происхождения многих элементов сингальской культуры.

Так, в какой-то момент истории начала складываться картина двойственной идентификации: североиндийской говорящих по-сингальски ланкийцев-буддистов в противоположность южноиндийской тамилоязычных ланкийцев-индуистов.

Так же как и у сингалов, у тамилос есть свои основания говорить о своем ланкийском происхождении: 1) Шри Ланка была заселена выходцами из Южной Индии и в отдаленном прошлом имела более или менее похожую социокультурную систему; 2) тамильское общество в ходе истории концентрировалось политически на п-ове Джафна и южнее, в Ванни, а также по обоим побережьям — восточному и западному, что и составляет историческую родину тамилос; 3) северные, восточные и западные тамилы представляют собой единую общность; 4) тамилы являются законными обитателями Шри Ланки, особенно северной ее части.

Утверждения о сингальской и тамильской общности, конечно же, опираются на гораздо более пространную аргументацию, чем та, что приведена выше. Важно помнить две вещи. Во-первых, аргументы обычно касаются прошлого и претендуют на реальность прошлого. Хотя обсуждение многих вопросов имеет отношение скорее к политическим, чем к научным, интересам, форма, в которой предъявляются аргументы, помещает их в сферу эмпирического исследования; это означает, что они могут до некоторой степени быть подтверждены или опровергнуты. Во-вторых, и обсуждаемые вопросы, и аргументы неизменно формулируются в понятиях, взятых из современной реальности и повседневного употребления. Возможность употребления таких понятий по отношению к прошлому в высшей степени проблематична. Возьмем для примера понятие расы. По происхождению западноевропейское, оно вошло в употребление на Шри Ланке только в XIX в. и не имеет соответствия ни в сингальском, ни в тамильском языках. Таким образом, это понятие стало использоваться в аргументации сингальской или тамильской идентификации не раньше XIX в. С научной точки зрения доказывать принадлежность сингалов к иной «расе», нежели тамилы, — абсурд. Несколько современных «сингальских» кастовых групп, таких как карава, салагама и дурава, являются потомками тамильских иммигрантов, «сингализированных» всего несколько веков назад. Больше того, матери многих «сингальских» правителей принадлежали к «тамилам» (согласно Махавамсе, даже Виджая стал правителем Шри Ланки только после того, как женился на индийской принцессе!).

В других случаях слово может быть древним, но его содержание и объем

значения могли со временем измениться. Хорошим примером служит термин «сингалы». Имел ли он в прошлом то же значение, что и сейчас, — группы людей (а не языка)? Гунавердана¹⁰, например, утверждает, что изначально этот термин использовался только в применении к царской династии. Не раньше XII в. он стал обозначать большинство населения сингальского государства, считавшее себя сингалами. Однако эта точка зрения оспаривается, в частности, Дхармадасой (1989)¹¹, доказывающим существование сингальской общности еще до нашей эры. Именно этот вопрос и вовлекает исследователей в дискуссии, имеющие политическую подоплеку: уже само то, что представления о прошлом являются элементом современной политики, означает, что ученые неизбежно становятся участниками борьбы.

Опубликовать и погибнуть

Писать об обществе и культуре и их истории принято на Шри Ланке издавна. В самом деле, уникальность Шри Ланки — в древности ее письменной истории! Дипавамса, первая значительная хроника, была написана в IV или V в., Великая Хроника Махавамса — в VI в., Кулавамса — в XII. Кроме хроник существует еще множество комментариев. Эти хроники представляют собой политические труды, служившие политическим интересам своего времени: они были написаны во времена реформ¹². В этом нет, конечно, ничего уникального. Письменная история повсюду служит политическим интересам. Исторические описания обычно располагаются где-то между мифом, с одной стороны, и попыткой (обычно не вполне удачной) воспроизвести реальные события прошлого — с другой. Точно так же и общественные науки «зависают» между идеологией и наивными позитивистскими представлениями об объективном изучении и объяснении, в то время как многие теории являются ничем иным, как плохо скрытыми идеологиями, выраженными в научных терминах. Тем не менее, хотя все исторические описания — это смесь мифов и фактов, соотношения между ними различны. Так, например, рассказ Махавамсы о Виджае, который был старшим из шестнадцати пар близнецов, родившихся от кровосмесительного брака между сыном и дочерью льва и принцессы, я склонен относить к мифологии, а не к истории. С другой стороны, более поздние события, такие как кампания Дуттхагамани против царя Эллары, несмотря на гиперболы, представляются в основе своей скорее достоверным описанием событий, чем мифологией. И все же даже в отношении подобных достоверных описаний следует иметь в виду, что хроники отражают сингальский взгляд на историю.

В наше время история и общественные науки играют важнейшую роль на Шри Ланке¹³. Более того, их результаты используются далеко за пределами научных кругов. Исторические очерки, например, часто помещаются в газетах. Даже ежегодные события буддистского календаря, к примеру, неизменно вызывают поток исторических статей, написанных часто непрофессионалами. Речи в парламенте нередко изобилуют псевдоисторическими экскурсами для обоснования той или иной точки зрения. На Шри Ланке прошлое является осязаемой частью настоящего¹⁴. Это означает, что исследовательская работа неизменно становится политической проблемой, причем тем отчетливей, если политическая ситуация представляет собой открытый конфликт.

В других работах я доказывал, что в ситуациях конфликта ученый не может соблюдать нейтралитет. Сознательно или неосознанно ученые либо подтверждают, либо опровергают политическую линию, в зависимости от того, на чьей стороне они находятся. Они могут взять на себя роль посредника, но эту роль конфликтующие стороны редко принимают всерьез. В случаях открытого конфликта нейтралитет обычно не принимается сторонами. Нейтральная позиция достается только в удел ученым, занимающимся политически неактуальными областями исследования, редкими в момент конфликта¹⁵.

В борьбе за «истинную» модель реальности, к настоящему ли она относится, или к прошлому, у ланкийских ученых, по-видимому, существуют три возможности: возможность 1 — взять в качестве отправного пункта националистические взгляды и научно их обосновывать; возможность 2 — проводить исследования, абсолютно неактуальные для конфликтующих националистических идей; возможность 3 — пытаться ответить на вопросы независимо от того, согласуются ли ответы с националистическими концепциями или нет.

Первая возможность — шовинистическая. С узконационалистической точки зрения это наиболее выгодная позиция, несмотря на то что научный престиж ученых, следующих этому ходу мысли, может быть подорван. Другая же возможность безопасна. Она не приносит успеха и не грозит наказанием. Третья возможность наиболее спорная из трех, и ее гораздо труднее охарактеризовать. Ее можно было бы назвать объективной, но такое определение обманчиво. Выбирающие третью возможность также имеют политические мотивировки, хотя бы потому, что они отвергают шовинизм! Именно поэтому их считают предателями те, кто настроен шовинистически.

С точки зрения «freischwebende Intelligenz», выбор должен быть очевиден. Но на Шри Ланке интеллигенция вовсе не чувствует себя «свободно парящей». Она целиком и полностью составляет часть ланкийского общества. Она «пишет изнутри»¹⁶ и, следовательно, в высшей степени уязвима, особенно в политической ситуации, сложившейся в конце 1980-х годов.

В мае и июне 1992 г. я обсуждал вопросы интеллектуальной свободы и зависимости с несколькими ланкийскими учеными: археологами, историками, специалистами в области политики, социологами и антропологами, мужчинами и женщинами, тамилами и сингалами. Что в особенности поразило меня — это ощущение уязвимости и в результате осторожность как в беседах, так и в письменных работах. Все сошлись во мнении, что свобода ученого имеет свои пределы. Попытки выйти за них считаются рискованными. Возникают три вопроса: 1) откуда это чувство уязвимости, 2) где границы интеллектуальной свободы и 3) каков риск?

Чувство уязвимости — это часть распространившихся в обществе беспокойства и даже страха, начавших формироваться после погрома 1983 г. в Коломбо и в других местах, — я употребляю слово «погром» сознательно. Беспорядки на этнической почве бывали и до 1983 г. (1958, 1977, 1981 гг. — это только самые страшные). Но погром 1983 г. представлял собой нечто более серьезное. В отличие от беспорядков 1958, 1977 и 1981 гг. ланкийское правительство в первые 24 часа погрома 1983 г. не сделало ничего, чтобы остановить его. Военные и полиция находились на улицах Коломбо посреди бушевавшей толпы, но не пытались предотвратить мародерство и убийства, получив приказ *не* вмешиваться. Хуже того: высокопоставленные правительственные деятели активно способствовали поиску живущих в Коломбо тамиллов, предоставляя бандам головорезов списки избирателей, содержащие имена и адреса избирателей-тамиллов. Погром 1983 г. произвел угнетающее впечатление; интеллигенты, в особенности, не могли себе представить, что нечто подобное могло произойти на Шри Ланке.

Период политических волнений 1987—1989 гг., когда правительству пришлось иметь дело с тамильским сепаратистским движением, индийскими силами по поддержанию мира на Шри Ланке и, наконец, второй волной активности ДжВП, был не только более продолжительным, но он также окончательно разрушил чувство безопасности, которое оставалось еще у многих сингалов (тамилы потеряли его еще раньше). Официальное и неофициальное насилие со стороны правительства, насилие ДжВП и насилие при решении частных споров или с целью наживы стали неразличимыми: невозможно было разобрать, кто кого убил и по какой причине. Благодаря практике сжигать убитых часто оставалось непонятным даже, кто убит. Многие

просто бесследно исчезали. Это создало атмосферу постоянного ожидания опасности и страха, которая подспудно существует и до сих пор. Хотя с верхушкой ДжВП было покончено в 1989 г., эскадроны смерти, созданные правительством, такие как «Черные кошки», все еще считаются значительной силой и, хотя количество исчезнувших уменьшилось, угрозы продолжают и исчезновения все еще происходят. Приведем наглядный пример, когда неблагоприятный психологический климат касается ученого, чью статью, детально описывающую весьма негативные последствия политики правительства, широко и недоброжелательно комментировали сингальские газеты. После некоторого отсутствия он встретил своих друзей, которые спросили его, *когда его освободили* (из тюрьмы).

Даже и сейчас существует взаимное недоверие: никто не знает, кто может услышать его слова и каковы могут быть последствия сделанного (не для публикации) замечания, идущего вразрез с официальной точкой зрения. Вследствие этого открытая и независимая атмосфера, существовавшая еще несколько лет назад на университетских встречах, в настоящее время почти исчезла, так как никто не желает быть пойманным на неформальном высказывании. Это означает внутреннюю цензуру и возникновение границы между безопасными и рискованными исследованиями. Запредельными и потому рискованными являются, во-первых, исследования, подвергающие сомнению основания сингало-буддистской общности (для сингальских ученых), как и тамильского единства и существования тамильской родины (для тамильских ученых), и, во-вторых, любые исследования, подвергающие сомнению политику правительства и ее успех. В качестве примера последнего можно привести изучение погрома 1983 г., демонстрирующее участие правительства, его манипулирование конституцией, неудачу в более долгосрочном аспекте программ помощи, таких как Джана савия, инсценировки массовых выступлений в поддержку президента и т. д. Один ученый сказал: «Премадаса (президент Шри Ланки.— П. К.) готов уничтожить все, что доставляет неприятности. Вы пишете, что думаете, а завтра вы исчезаете».

Последствия (ожидаемые и в некоторых случаях испытанные) перехода за эти границы таковы: предостережение со стороны коллег; анонимные угрозы (смерти) по телефону; анонимные письма в газетах; персональные нападки в газетах (женщин обвиняют в лесбиянстве); отказ в повышении по службе и в предоставлении грантов; замедление или отказ в публикации рукописей; повышения замедляются или отменяются; принуждение к уходу с работы; увольнение (гражданских служащих); убийство.

Я собрал конкретные примеры каждой из альтернатив. Я не располагаю какими-либо статистическими данными о том, как часто такие последствия имели место. Количественные данные, однако, не дали бы полной картины, так как многие ученые просто достаточно осторожны, чтобы не идти на риск. Иначе говоря, они выбирают возможность 2, причем некоторые научные работники вполне осознают свой выбор. Один ученый рассказывает мне об историческом исследовании, которое стало бы довольно рискованным, если довести его до настоящего времени, и я говорю своему собеседнику об этом. На что получаю ответ: «Нет-нет, я останавливаюсь задолго до этого».

Насколько я знаю, был только один случай убийства (Раджани Тхиранагама, убитая 21 сентября 1989 г. предположительно Тамильскими тиграми из-за ее деятельности, связанной с правами человека)¹⁷. Однако существует страх возможного убийства: я спрашиваю старшего научного сотрудника, есть ли возможность изучать участие правительства в погроме 1983 г. Он отвечает, что даже он не взялся бы за такое исследование: «Прежде чем вы успеете что-нибудь понять, в вашу дверь стучатся ночью и, когда вы открываете, стреляют». Имеется слишком много документально подтверждаемых фактов о людях, убитых таким образом, чтобы можно было исключить эту возможность как выдумку.

Таким образом, если число жертв и не очень велико, то объясняется это тем, что ученые скрываются за различными формами внутренней цензуры. При этом жертвой оказывается свобода мышления и публикации.

Риск, связанный с публикацией, зависит частично от формальных аспектов. Публиковаться на сингальском языке, например, считается более опасным, чем на английском. Я спрашиваю исследователя, почему в высшей степени интересная интерпретация доисторической эпохи на Шри Ланке была напечатана по-английски: «Я бы не осмелился напечатать это на сингальском, мне бы немедленно досталось от националистов».

Печататься за границей и в научных журналах менее рискованно, чем на Шри Ланке и в газетах.

Критически писать о сингальской общности безопаснее тамильскому ученому, а о тамильской — сингальскому; более рискованно критически писать о своей этнической группе — критика первого типа ожидаема и до какой-то степени на нее не обращают внимание. Во всяком случае, как сказал один (тамильский) ученый: «Тигры не тратят пули на сингальских ученых; но тамилу придется хуже — сегодня ты опубликуешь статью, завтра тебя уже не будет». Риск, кроме того, зависит и от научной сферы, в которой работает ученый. Те, кто чувствует себя в международной среде признанным специалистом, в меньшей степени зависят от местных условий и, таким образом, могут позволить себе больший риск. Я думаю, они меньше чувствуют незащищенность благодаря своей международной репутации.

Даже несмотря на осторожность, публикация остается опасной: «Здесь опубликоваться и погибнуть», — воскликнул один ученый. И таким образом, исследования, которые могут быть в высшей степени своевременны для понимания современной ситуации, из соображений безопасности не проводятся вообще, а некоторые актуальные результаты не публикуются.

Существует способ избежать риска абсолютно — покинуть страну. Достаточно распространенным является мнение, что это могло быть одной из причин, по которой ряд ученых покинул Шри Ланку. Но столь же распространено мнение, что безопасность была, как правило, только одной из причин. В течение последних 10—15 лет возможности научной работы были неблагоприятны, и это также побуждало ученых искать свою научную судьбу за рубежом.

Ответственность и пределы критического исследования

Национализм — это явление с лицом Януса. Националистические чувства играют животворную роль для людей, пытающихся создать образ жизни, который они бы могли назвать своим собственным. Те же чувства, однако, ведут к узости мышления и догматизму, в свою очередь часто приводящим к насилию. Национализм в рамках общественных наук является источником вдохновения, так же как и догматизма с соответствующими последствиями. Безвыходное положение ученых Шри Ланки являет собой только один пример этих двух противоположных тенденций.

Обсуждая в предыдущем разделе три возможности для ученого, я отметил, что выбор в некотором смысле очевиден. У ученого должна быть свобода критически изучать и публиковать все, что угодно. Без этой свободы наука не может быть наукой. На высшем уровне философии науки организованный скептицизм, как выразился Мертон¹⁸, необходим. Однако, несмотря на высшую ценность, которую при этом должна иметь интеллектуальная свобода, на уровне конкретного научного проекта она часто вступает в конфликт с другими ценностями и не существует достаточно веского основания автоматически отдавать предпочтение интеллектуальной свободе. Что касается исследований о Шри Ланке, решение относительно проекта всегда должно учитывать эти другие ценности, даже если это означает, что от проекта

приходится отказаться. В нашей исследовательской группе по насилию во Врийском университете мы обсуждали возможность включения в программу проекта по тамильским беженцам. Такой проект, однако, заставит исследователя помимо других явлений соприкоснуться с торговлей наркотиками, подпольными операциями с оружием и нелегальным перечислением денег — все это имеет отношение к войне между Тамильскими тиграми и ланкийским правительством. Вся информация об этих явлениях очень важна для понимания того, что происходит на севере Шри Ланки. Однако обладание этой информацией еще и крайне опасно. Имея в виду готовность тигров убивать, я чувствую, что я, как руководитель аспирантов, не могу брать на себя ответственность посылать молодых исследователей для наблюдения подобных ситуаций. Я не имею в виду, что такие исследования должны быть запрещены — я лишь объясняю свое решение исключить эту тему из программы.

Этот пример демонстрирует одно важное свойство ученого: уязвимость. Я подчеркнул уже эту уязвимость при обсуждении возможностей, выбираемых ланкийскими учеными. Их выбор также должен рассматриваться в контексте жестокой борьбы за власть, в которой немногие средства остались незадействованными и насилие превратилось в норму. Как я продемонстрировал, реально выбор бывает различным. Некоторые ученые бросают вызов культуре насилия и остаются верны высоким стандартам научного исследования. Поле деятельности, которым они для этого располагают, зависит отчасти, насколько я могу судить, от их включенности в международные научные сферы. Это уменьшает их уязвимость в собственной стране, в точности так же, как это бывает с чисто политическими диссидентами. Я не способен изменить обстановку, в которой работают мои коллеги на Шри Ланке, единственное, что я могу сделать, — это принять участие в их работе.

Перевод В. В. Комарова

Примечания

- ¹ The Works of Francis Bacon. V. VIII; Literary and Professional Works. L./Longman, 1861. V. II. P. 241.
- ² *Jatinder Baja K.* Francis Bacon, the First Philosopher of Modern Science: A Non-Western View?//Science Hegemony and Violence. A Requiem for Modernity. Tokyo, 1988. P. 24—112.
- ³ *Kloos P.* De boodschap van de vierde illusie. Leiden, 1988; *Schrijvers J.* De boodschap van het vijfde ontwikkelings-decennium. Utrecht, 1992.
- ⁴ *Tambiah S. J.* Sri Lanka. Ethnic Fratricide and the Dismantling of Democracy. L., 1986.
- ⁵ *Gunaratna R.* Sri Lanka. Lost Revolution: The Inside Story of JVP. Sri Lanka/Institute of Fundamental Studies, 1990.
- ⁶ *Ellawala H.* Social History of Ceylon. Colombo, 1969.
- ⁷ *Chandraprema C. A.* Ruhuna. A Study of History, Society and Ideology of Southern Sri Lanka. Nugegoda/Bharat Publishers, 1989.
- ⁸ *Hellmann-Rajanayagam D.* The Politics of the Tamil Past//History and Roots of Conflict. L., 1990. P. 108.
- ⁹ *Rasanayagam S.* Ancient Jaffna. Colombo, 1926.
- ¹⁰ *Gunawardana R. A. L. H.* The People of the Lion: Sinhala Consciousness in History and Historiography//Ethnicity and Social Change. Colombo, 1985. P. 55—107; P. 45—86.
- ¹¹ *Dharmadasa K. N. O.* People of the Lion: Ethnic Identity, Ideology and Historical Revisionism in Contemporary Sri Lanka//The Sri Lanka J. Humanities. 1989. V. XV. № 1; 1992, № 2.
- ¹² *Kemper S.* The Presence of the Past. Chronicals, Politics and Culture in Sinhala Life. Ithaca, 1991. P. 28.
- ¹³ *Nissan E.* The Work of Sri Lankan Anthropologists: A Bibliographic Survey//Contribution to Indian Sociology. 1987. V. 21(1). P. 1—27; *Kapferer B.* From the Periphery to the Centre: Ethnography and the Critique of Anthropology in Sri Lanka//Localizing Strategies. Regional Traditions of Ethnographic Writing. Edinburgh, 1990. P. 280—302; *Kemper S.* Op. cit.
- ¹⁴ Cp. *Kemper S.* Op. cit.
- ¹⁵ *Kloos P.* Filosofie van de antropologie. Leiden, 1987.
- ¹⁶ *Spencer J.* Writing Within. Anthropology, Nationalism and Culture in Sri Lanka//Current Anthropology. 1990. V. 31. P. 283—300.
- ¹⁷ *Hool R., Somasundaran D., Sritaran K., Thirananagama R.* The Broken Palmyra: The Tamil Crisis on Sri Lanka: An Inside Account. Claremont, 1990.
- ¹⁸ *Morton R. K.* Social Structure and Social Function. Glencoe, 1957.

Publish and Perish (Nationalism and Social Research in Sri Lanka)

The work of a small post-graduate students' group from the Department of cultural anthropology, sociology and development at university of Amsterdam devoted to the problems of torture, ethnic identity and the development of national state in Sri Lanka is discussed in the article. This investigation with so-called «hot» themes, so the question of risk and responsibility of the scientist is arised. A considers the political situation in Sri Lanka from the first years A. D. and shows formation of ethnic identity among Sinhalese and Tamils. Modern nationalism in Sri Lanka is discussed separately. A publication in Sri Lanka concerning the national problems became dangerous for it's author, so intellectual freedom of the scientist is in contradiction with the state policy, leading to the exit of humanitarian scientists from Sri Lanka.

P. .